

УДК 82

Симонова Л.А.*Московский государственный областной университет***ОТ «ЖИЗНИ ЖОЗЕФА ДЕЛОРМА» К «СЛАДОСТРАСТИЮ»:
ХАРАКТЕР АВТОБИОГРАФИЗМА ПРОЗЫ Ш. СЕНТ-БЁВА**

Аннотация. В статье на примере произведений «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» и «Сладострастие» рассматривается характер автобиографизма прозы Ш. Сент-Бёва. Особое внимание в статье уделяется авторскому замыслу, установке писателя на воссоздание художественными средствами своего жизненного опыта. Прослеживаемая в статье связь двух произведений помогает выявить, как в творчестве Сент-Бёва в русле романтической эстетики формируется тип героя, отражающий авторское сознание. В статье проводится сравнение главных героев рассматриваемых произведений, выявляется их связь с героями французского романа XIX века, а также их отношение к романтическому мифу «зла века».

Ключевые слова: автобиографизм, повествование, роман, герой, автор.

L. Simonova*Moscow State Regional University***FROM "LIFE, POETRY, AND THOUGHTS OF JOSEPH DELORME"
TO "THE SENSUAL MAN": THE NATURE OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE
SH. SAINTE-BEUVE**

Abstract. Basing on the works of "Life, poems and thoughts of Joseph Delorme" and "The sensual man" the article addresses the nature of autobiographical prose of Sh. Sainte-Beuve. Particular attention is paid to the author's intention, the mindset of representation of his life experience through the artistic means. Traceable connection between the two works helps to identify as in line with the mainstream romantic aesthetics the type of character is formed that reflects the author's consciousness. The article compares the main characters in the studied works, reveals their connection to the characters of the French novel of the 19th century, as well as their relationship to the romantic myth of "evil age."

Key words: autobiographism, story, novel, character, author.

Вопрос о характере автобиографизма «Сладострастия» (1834) – известного романа Ш. Сент-Бёва, вызвавшего в своё время у читающей публики большой интерес, – волновал многих литературных критиков и биографов талантливого критика и писателя. М. Регар настаивает на близости

главного героя и автора («Амори – это, по существу, сам писатель»), определяет «Сладострастие» как личный роман, исповедь Сент-Бёва, указывая на использование им детских и юношеских воспоминаний, а также на отражение в романе его увлечения Аделью Гюго (женой Виктора Гюго) [7, с. 69]. А. Билли видит в Амори портрет Сент-Бёва,

называет «Сладострастие» «личным произведением», в котором под покровом вымысла изображена и проанализирована индивидуальность автора [3, с. 169]. Р. Моло называет «Сладострастие» «интимным романом», указывая на его связь с «личным письмом» Сент-Бёва: после окончания работы над романом он начинает вести дневник [6, с. 114]. В. Жиро говорит о «Сладострастии» как о «духовной автобиографии»: «Сент-Бёв предстаёт здесь таким, каков он есть, без какого-либо приукрашивания, с его изменчивым настроением и слабой волей, с его потребностью в чувственных эмоциях, склонностью к сладострастию и даже похотливостью, со своей любознательностью ума и религиозными вдохновениями, со своими жалкими падениями и болезненной душевной раздвоенностью. С безжалостной ясностью подвергая себя анализу, он себя судит и выносит себе приговор» [4, с. 91]. И. Леир считает «Сладострастие» книгой, в которой Сент-Бёв «старается освободиться от своих страхов, мечтаний, стремлений», исповедью, «любующейся кризисом», который оставляет автора «утомлённым и неудовлетворённым» [5, с. 12]. П. Бенишу в монументальном труде «Школа разочарования», посвящённом творчеству французских романтиков, в главе о Сент-Бёве определяет его роман как «произведение личной правды в том, что касается желаний, мучений и неудовлетворённости», делая, однако, оговорку, что покой героя, принявшего сан священника, есть «чистая литература», «одна из фантазий» писателя о себе самом [2, с. 78]. Мастерство психологических и философских наблюдений, которые отвечают харак-

теру и взглядам Сент-Бёва заслоняют персонажей, чьи фигуры выписаны слишком нечётко, позволили М. Аллему назвать «Сладострастие» исповедью писателю [1, с. 276]. Словами М. Регара, ««Сладострастие» не есть рассказ, приключение, но итог, философия, поиск точки устойчивой и ясной через постоянные и тёмные изменения прошлого» [8, с. 31]. Вслед за критиками необходимо признать, что в романе нашли отражение духовные поиски автора, размышляющего над смыслом человеческой жизни и верой.

На природу автобиографизма «Сладострастия» проливает свет достаточно оригинальное по замыслу и исполнению произведение, чья публикация (1829 год) предшествовала работе над известным романом, – «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма». Оригинальность этого сочинения заключается в том, что Сент-Бёв опубликовал собственные тетради, содержащие поэтические опыты и литературно-критические заметки, приписав их авторство вымышленному персонажу (такой ход позволил Сент-Бёву представить свои стихи в двойном удалении: герою принадлежат критические эссе, лирика и размышления Делорма комментируются автором, таким образом поэзия оказывается вписанной в контекст культурной эпохи). За собой Сент-Бёв закрепляет роль издателя и комментатора завещанных ему рано ушедшим из жизни поэтом рукописей, которые, помимо стихотворений и размышлений о поэтическом искусстве, включали дневникового характера записи, в которых нашли отражение мысли героя о своей судьбе. В данном случае нас интересует та часть произведения, которая носит название

«Жизнь Жозефа Делорма» и представляет собой авторское повествование (рассказ автора-издателя тетрадей) о жизни героя, перемежающееся вставками его из дневника. В целом, образ и судьба Делорма вписывается в культурный миф «зла века» (не случайно, герой читает «Вертера», «Дельфину», «Адольфа», «Рене»). Предваряющая лирику история жизни поэта должна была отчасти объяснить господствующее в стихах настроение меланхолической задумчивости, тревожной тоски, неясных надежд, сожалений о несбывшемся и недостижимом.

Если рассматривать эту часть книги как самостоятельное целое с точки зрения повествовательной стратегии, можно увидеть попытку Сент-Бёва написать роман. «Жизнь Жозефа Делорма» можно разбирать как своеобразный набросок будущего романа «Сладострастие». Сент-Бёв указывает на то, что берётся представить жизнь героя таким образом, чтобы прослеживалось его духовное развитие («дать верное описание внутренней жизни» [9, с. 6]). Этот психологический роман должен был мыслиться пишущим как возможная история его самого, поскольку жизнь персонажа объясняла его собственные стихи (для Сент-Бёва связь между творчеством и биографией очень тесная): «...Одни стихотворения, без истории чувств, с которыми они связаны, были бы наполовину понятной загадкой...» [9, с. 5] Вымышленная судьба объясняет его «невымышленную» поэзию, рождённую действительно прожитыми чувствами, значит, так или иначе в жизни Делорма Сент-Бёв должен был проиграть свою судьбу, выстроенную в соответствии с культурными кода-

ми времени. Однако попытка написать роман (свой или героя) оказывается неудачной. Рассказ о жизни Делорма не складывается в единую линию, заданную логикой развития характера и взглядов героя. «Жизнь Жозефа Делорма» создаёт впечатление обрывочного, нестройного, слишком противоречивого текста, к тому же вставки из дневника Делорма расшатывают и без того неустойчивую, распадающуюся повествовательную структуру. Каждое звено в сюжетной цепи намечает определённое развитие образа героя в соответствии с заданными литературой образцами, но ни одна из потенциальных завязок не разворачивается в историю. Делорм мог бы стать (и каждый раз Сент-Бёв подводит читателей к этой возможности, поскольку герой обладает для этого задатками) поэтом, священником, влюблённым, врачом, философом, мужем, но так никем и не становится. Можно усомниться даже в том, был ли он поэтом: сам Делорм таковым себя не считал и возвращение его к поэзии – увлечению детских лет – было слишком непродолжительным и связано с душевной болезнью. Все эти возможности Делорма быть кем-то вступают друг с другом в противоречие, что грозит распадом текста и не даёт сложиться единому впечатлению о личности и судьбе героя. Повествование скрепляется, скорее, образно-интонационным единством. Сент-Бёв нащупывает то стилистическое звучание прозы, которое соответствует звучанию его лирики. Он подробно анализирует ситуацию разрыва героя с внешним миром и его уход в мир собственных фантазий. Иначе говоря, Сент-Бёв моделирует отдельные сцены, соответствующие задумчиво-ме-

ланхолическому состоянию, которое отражают его стихи. Именно в этом состоянии герой и автор совпадают. Это совпадение скрепляется и процессом, в которой вовлечены как автор, так и герой – процессом письма. Сент-Бёв подробно останавливается на том, как Делорм пишет. Герой пишет свои тетради в полном одиночестве, ночью. Автор переписывает отрывки из тетради Делорма или передаёт содержание частей текста тетрадей своими словами. «Жозеф хотел только верно говорить себе о своих страданиях и говорить о них в стихах» [9, с. 12]. Это соответствует сосредоточенности поэзии исключительно на интимных переживаниях. Это выдаёт подчинённую роль «Жизни Жозефа Делорма»: в прозе Сент-Бёв расширяет те ситуации, которые намечены им в лирике.

В конечном итоге, образ Жозефа Делорма размывается настолько, что самому автору, передающему его историю, не удаётся сказать о нём ничего определённого: остаётся так и неясным, помешался ли его рассудок или нет, к тому же под конец повествования появляется противоречие между внутренним и внешним. Как оказывается, друзья Делорма (среди которых был и автор) почти не знали его: он «имел обыкновение не выставлять своих язв» и даже иронизировал над своими стихами в дружеском кругу. В результате, Сент-Бёв сам признаёт свою неудачу – первоначальный замысел не реализован: образ Жозефа Делорма, его судьба не объясняют поэзии, как то изначально предполагалось. В конце «Жизни Жозефа Делорма» Сент-Бёв приходит к обратному утверждению: только поэзия может объяснить героя: «...Его стихотворе-

ний достаточно, чтобы заставить понять активные чувства, которые тогда его терзали» [9, с. 20]. Таким образом, первостепенную роль играет здесь поэзия, «затопляя» прозаическое повествование (именно стихи составляют «историю страдающей души» Делорма). И поскольку лирический дискурс принадлежит автору, он, а точнее, его слово о себе, заслоняет героя. Высказывание автора, имеющее ярко выраженную лирическую природу, подрывает сами основы прозаического повествования, имеющего целью разворачивать историю. Нет «жизни» героя: отдельные, плохо скреплённые между собой зарисовки состояний сознания Делорма прочитываются, скорее, как развёрнутые комментарии к стихотворениям. Таким образом, в Делорме можно увидеть несостоявшегося героя романа, а в Сент-Бёве – несостоявшегося автора романа.

Однако Сент-Бёву удаётся нащупать ситуацию, которая будет задавать развитие сюжета его удачного романа «Сладострастие». Это ситуация неосуществимости. Делорм мог бы активно действовать, но не действует, мог бы стать всем, кем угодно, но не становится никем («Кто не пожалел бы его в этом жестоком бессилии, где он достиг своей судьбы» [9, с. 16]). «Вот уже много дней он спрашивал себя, была ли хотя бы одна минута, когда хотя бы одно из его желаний было удовлетворено, и он не находит её. <...> Он бросился в карьеру, которая удалила его от цели его желаний... Его силы работают впустую, им не хватает материальности, они истощаются и мучают его» [9, с. 15]. К тому же Сент-Бёв намечает те черты, которые будут использованы в харак-

теристике Амори: любовь к женщине, которая сблизена с неопределённым идеалом: «неясная идея женщины и красоты», «живущая по соседству девушка, блондинка, застенчивая» [9, с. 7]. В Делорме выделяется «ревностная набожность», он любил «долгие молитвы, которые возвращали ему покой и силу» [9, с. 8], что было свойственно самому Сент-Бёву. Вообще, Сент-Бёв дистанцировался от своих героев и одновременно подчёркивал свою связь с ними, давал понять читателям, что всё им написанное сходится к его личности. Так, в 1834 году (год публикации «Сладострастия») Сент-Бёв написал поэму «Ответ Сент-Бёва – Амори», в которой он выступил в роли «молодого друга» – адресата рассказа героя: он сообщает, что Амори был прав и его молодость похожа на его опыт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Allem M. Sainte-Beuve et Volupté. – P., Société Française d'Éditions Littéraires et Techniques, 1935. 331 p.
2. Bénichou P. L'écologie du désenchantement. – P., Gallimard, 1992. 615 p.
3. Billy A. Sainte-Beuve. Sa vie et son temps. Le romantique. 1804-1848. – P., Flammarion, 1952. 450 p.
4. Giraud V. La vie secrète de Sainte-Beuve. – P., Stock, 1935. 215 p.
5. Le Hir I. L'originalité littéraire de Sainte-Beuve dans Volupté. – P., Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1953. 81 p.
6. Molho R. Regard intime et construction de soi // Intime, intimité, intimisme. – Lille, Éditions Universitaires de Lille III, 1976. P. 113–121.
7. Regard M. Sainte-Beuve. – P., Hatier, 1959. 224 p.
8. Regard M. Introduction // Sainte-Beuve Ch. Volupté. P., Imprimerie nationale, 1984. P. 11–57.
9. Sainte-Beuve Ch. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. – P., Hachette, 1937. 480 p.